

Александр Калинин-Русаков

Событие произошло

18+

Александр Калинин-Русаков

Событие произошло

«Автор»

2018

Калинин-Русаков А. Н.

Событие произошло / А. Н. Калинин-Русаков — «Автор», 2018

И всё-таки... Мы создаём события или события создают нас? Фото на обложке из личного архива.

© Калинин-Русаков А. Н., 2018

© Автор, 2018

Александр Калинин-Русаков

Событие произошло

Событие – то, что, происходя в определённый момент времени, изменяет состояние материи или процесса.
(Квантовая статистика – термин.)

Событие произошло

(По заметкам из старого студенческого дневника)

С приходом весны карман Егорки окончательно истосковался по деньгам. Оскорбительное ощущение, будто зубная боль, преследовало его теперь повсюду – до занятий, после них, в автобусе, а больше всего – в магазине или столовой. Наконец, переслушав уйму советов и перелопатив все здравые варианты, он вспомнил о стройотряде, слухи о котором давно и настойчиво будоражили безденежный воздух в гулких коридорах и аудиториях института. В понедельник Егорка отправился на поиски.

Дверь с табличкой «ШТАБ ССО»* (студенческий строительный отряд) податливо распахнулась, развешенные вдоль стен графики, магически привлекая внимание, увлекли его в атмосферу роста чего-то из ничего... Всё выглядело не очень понятно, но вполне впечатляюще. Вроде бы вот он ноль на плакате. Пустота... Только нет... Глянь, а линия графика уже качнулась, потом скакнула куда-то вверх, а там – цифры с головокружительным рядом нулей. Богатство, стало быть... Причём совсем рядом.

Одолев первые впечатления, Егорка осмотрелся, даже попытался кое с кем заговорить – не получилось. Все были заняты какими-то суетными и непонятными делами. Чувство, которое неожиданно толкнуло его в грудь, была лёгкая тревога и некоторое уныние вокруг. Происходящее, хоть и выглядело впечатляюще, но было, мягко говоря, скучновато и ничем особым не предвещало начала финансового благополучия.

Усомнившись в торжестве происходящего, Егорка бесцельно бродил вдоль стен, рассматривал плакаты с выразительными комсомольскими лицами, призывами к скорейшему построению коммунизма, пока в узком проходе не столкнулся с черноглазым скуластым пареньком. Значок с барельефом вождя мирового пролетариата на лацкане пиджака свидетельствовал о принадлежности владельца к высокой комсомольской элите.

– Ага... Это, пожалуй, тот, кто мне нужен, – торопливо подумал Егорка и вцепился в паренька взглядом. – А что, похож...

Комсомолец, в свою очередь, так же уверенно оглядел Егорку, кивком головы откинул назад засаленные волосы и вдруг неестественным, каким-то громоподобным голосом пробормотал:

– Вы по какому вопросу, товарищ?

– Чего это он, как в театре? – вздрогнул Егорка, но не растерялся и выпалил заранее подготовленный фразу.

– Хочу в стройотряд записаться. Это здесь?

– Цель? – прогудел басовой трубой комсомолец, буравя его цыганскими глазами.

– Какая цель... Денег хочу заработать.

– Идеиные убеждения? Надеюсь, вы комсомолец?

– А это обязательно?

– Обязательно!.. – настоятельно и громко, будто раскаты кровельного железа, продолжал комсомолец.

– На стройках народного хозяйства нужны морально устойчивые, верные делу Коммунистической партии люди! Со случайными нам не по пути.

– А что, если... – украдкой проговорил Егорка.

– Если, не допускается, – ещё больше посуровев, ответил тот. – Стройотряд создаётся только для комсомольцев.

– Началось... – с разочарованием выдохнув в сторону, подумал Егорка.

Дело в том, что принадлежность к этой организации он никоим образом действительно подтвердить не мог, поскольку его комсомольский билет ещё в прошлом семестре безвозвратно сгинул, выскользнув в самый неподходящий момент из заднего кармана брюк в унитаз общественного туалета. Егорка помнил, как восторженно тогда, как электрическим разрядом пробежала в голове мысль: «Достать красную книжицу или не стоит?..». Помнил он и то, как, на удивление, не расстроился, а, напротив, испытал приятное облегчение, будто сходил куда. Решение нашлось быстро, да и место для размышлений оказалось не слишком подходящее, а потому, уверенно ухватившись за ржавую цепочку сливного бачка, он потянул... Окончательно и бесповоротно, будто приговор суда, прошумел водяной поток. Неопрятная глотка общественного унитаза легко поглотила всё его небогатое комсомольское прошлое. Даже смывной бачок зажурчал после так, будто ничего не случилось.

Егорка расценил это неказистое событие как логичное завершение комсомольской карьеры. Позже, вконец осмелев, он пропустил комсомольское собрание, потом ещё... Его пытались вразумить, требовали явиться на заседание комитета, он, как мог, уворачивался. «Кому интересно слушать, как утонула комсомольская гордость в унитазе общественного сортира, а по существу в дерьме. Неромантичная история...» – размышлял, убеждая себя, Егорка.

Только теперь, судя по всему, наступило время, когда красная книжица начала мстить обидчику за свою бесславную кончину в слишком общественном месте.

Отказ он и есть отказ. Обидно конечно. Вот только Егорке от этого, казалось бы, пустяка сделалось досадно и даже отчасти неловко.

– Ну, не гожусь я! Комсомольца им подавай... Кончились на сегодня все комсомольцы!

Было обидно, будто кто-то изловчился и щёлкнул его по носу. Первое, что приходило в такой ситуации в голову – найти достойное оправдание. И оно нашлось.

– Не вписываюсь я в их картину, не вписываюсь и всё тут. Ну, не по пути нам, – утвердительно заключил для себя Егорка и стал готовиться покинуть негостеприимное заведение.

Хотелось есть, денег на столовую не было... Чтобы отвязаться от неудобных распросов черноглазого, Егорка нарочито пространно затеял рассуждения о свободном труде, достойной оплате... В итоге наговорил столько, что сам запутался. Однако это помогло. Комсомолец замолк, его растворившиеся в бездне зрачки превратились в пустыньские дырочки... Какое-то время он с непониманием смотрел на Егорку, потом отошёл к окну и с отсутствующим видом отвернулся в сторону стекла.

– Зацепило... – подумал Егорка и, укутанный в кокон безрадостных мыслей, направился к выходу, но выйти не успел...

Дверь распахнулась. На порог бесовским вихрем влетела девица с выбеленными донельзя волосами, повелительным блеском очков в золотистой оправе и невозмутимым отстранённо-оптимистическим выражением на лице. Она настолько остервенело стучала каблуками о паркетный пол, что, казалось, уже начала вколачивать сваи на самой ударной комсомольской стройке.

Грудь её, не производя в данной обстановке ни на кого должного впечатления, хоть и призывно, но бесполезно подпрыгивала в такт ударов стальных каблуков, напоминая о плоти, которая в суровой, можно сказать революционной ситуации, предпочла существовать как бы

отдельно, отстранившись от плана строительства светлого будущего, поселившегося в воздухе штаба ССО.

Отодвинувшись подальше от прохода, Егорка принялся вспоминать, где же он её видел?.. Наконец, перебрал в памяти множество знакомых лиц, вспомнил.

– Девица эта, а может ей подобная, изображена на плакате в коридоре кафедры физкультуры, где она призывает сдавать нормы ГТО или что-то вроде этого. Да, весьма годятся такие дамочки для агитационных плакатов типа: «Позор прогульщикам!», «Вступайте в ряды...», «Сдавайте ...», а что – безразлично.

Из-под оправы очков грозно поблёскивали холодные рыбы глаза, на кармане рубашки мышинового цвета красовался значок с мастерком, киркой, одиноким японским солнцем и надписью «Член штаба ССО».

– Вы представляете, Владлен Маркович, кирпичный завод согласовал изначально сто двадцать рабочих мест, а подтвердил пятьдесят! – выпалила, ещё не остановившись, активная дамочка.

– Мелиорация просила шестьдесят человек, а подтвердила только двадцать! Кирпичный завод вообще отказался от нашего участия! Швейная фабрика с пошивом затягивает! Объясняют отсутствием ткани и перечня размеров. Форменный саботаж вокруг?! Какая-то ползучая контрреволюция! Необходимо экстренное заседание штаба с расширенными полномочиями! Задачи, поставленные партией, требуют безотлагательного и срочного решения! Нельзя допустить даже малейшего срыва!

Для уверенности она ухватила худенькой ручонкой за перекладину стула. Костяшки на маленьком кулачке угрожающе побелели...

Егорка, пятясь спиной, почувствовал вскоре холод крашеной стены и понял... Такими они и были, пламенные революционеры Роза Люксембург и Клара Цеткин. Вот только вздымающаяся грудь начальника штаба со значком на оттопыренном кармашке отчего-то не волновала его сегодня должным образом. Может, революционный напор мешал правильному восприятию, может, несоответствие между формой и содержанием. Только в данной ситуации он готов был поспорить с кем угодно, хоть с самим Фрейдом, и объявить, что в эпоху развитого социализма, которую двигают такие вот дамочки со значками на груди, первичны не сексуальные инстинкты, как он утверждает, а общественная идея, которая, по убеждению революционных масс, сделает народ счастливым, а не теория сексуального влечения.

Неожиданно Егорка задумался о пролетариате, обделённом утончёнными радостями любви, а заодно и о старике Фрейде, заблудившемся в наивных постулатах взаимного влечения, поскольку все они были перечёркнуты всего лишь появлением активной дамочки с обесцвеченными волосами и значком ССО на безразличной груди.

От напора девицы начальник штаба ССО, которого витиевато звали Владлен Маркович, приготовился поморщиться, но тут неожиданно и тревожно, будто удар гонга на ринге, зазвонил телефон. Градус ситуации повысился до критического.

– Слушаю... Да... Подготовка практически завершена. Бригады, – отвечал весьма учтиво Владлен Маркович, – укомплектованы. Да, уже направляем. Да, да, да...

Скованно распрямляясь над столом и не переставая повторять «да», он вскоре даже неестественно прогнулся в обратную сторону, на пухлых щеках его проступил испуганный румянец... Излишне усердствуя он, похоже, приготовился в следующий момент воспарить к потолку. Понятно, звонят «сверху», требуют отчёт. От волнения, из его дрожащей руки выпала авторучка. Неловко повернувшись, он наступил на неё, с хрустом раздавил, после чего ещё больше покраснел и занервничал.

В это самое мгновение Егорка окончательно осознал несвоевременность и безуспешность собственных попыток влиться в стройные ряды комсомольских стройотрядовцев. Оглянувшись на дверь, он продолжил пятиться, чтобы своим присутствием не помешать развитию эпо-

хальных событий. На выходе ему повстречалась группа девчонок в одинаковых серых рубашках, со знакомыми значками на бойко выступающих местах.

– Нет, увольте. Не то это всё, не то, – опять мелькнуло у Егорки в голове. – А девицам лучше бы заниматься чем положено в девятнадцать лет, где-нибудь под кустом черёмухи, чем играть в партию и революционный штаб.

– С такими разве чего-нибудь заработаешь? Только последние штаны, пожалуй, проносишь, – размышлял он.

Выйдя, он разочарованно сунул руки в пустые карманы и уныло побрёл по гулкому коридору в сторону чугунной лестницы на выход...

После безрезультатного визита в штаб ССО Егорка чувствовал себя опустошённым. День сегодня и без этого не задался. Они опять проспали. Бешеным аллюром пришлось бежать до института. Хотя происходило это часто и всегда по одной причине – вечером не могли угомониться, отчего утром не удавалось проснуться вовремя. Но все помнили, как заклинание: первой парой лекция по квантовой статистике у Протопопова! Разговор у Владимира Николаевича короткий. Замечание – крест, пропуск лекции – крест, опоздание, впрочем, тоже. Маленькие крестики из синей тетрадки, некстати всплывая на экзамене, превращались в дополнительные вопросы, которые нередко перерастали в «хвосты» и неприятности в зачётке.

Рекорд принадлежал Витьке Кайгородову – шестнадцать крестов. Сдавал он тогда экзамен весь день, дотемна. Протопопов не был бездушным человеком, а потому в середине дня предложил: «Можете сходить на обед, даже отдохнуть, после продолжим. Не стесняйтесь, приходите...» Протопопова побаивались, а потому мелодичный звон будильника тихо ненавидели и, похоже, в отместку за это спали до последнего, до края. Вот и приходилось бегать время от времени сломя голову. Причём не факт, что спешно надетый второй носок или ботинок принадлежит именно тебе, а не Аркадию, например, или кому-нибудь ещё.

Аркаша – гуру, духовный отец и наставник одновременно. Егорка, Валерка Костин, Шурик Захватов, а ещё Толик Просеков и Вовка Огарков по сравнению с этим повывавшим жизнь аксакалом казались пушистыми желторотиками. Аркаша, как и положено отцу, почти родителю, спал на почётном месте, возле окна. Он знал толк в жизни, щедро делился житейскими премудростями, поскольку был, во-первых, старше, во-вторых, успел поработать, а в-третьих, жениться и развестись. Кроме того, он умел играть на баяне чардаш Монти, а ещё петь уверенным тенором песню про тополя, которая на незнакомой доселе смеси диалектов татарского, еврейского и поволжского звучала как «Цапаля, цапаля, в город мой влюблённые...».

Аркаша был поклонником Элвиса Пресли. Он даже одевался и выглядел весьма схоже. Однако стоило ему выпить лишнего, как стёкла его роговых очков запотевали, как Элвиса превращался в буйный чуб, который, ниспадая на высокий лоб, превращал Аркашу в заурядного деревенского тракториста с гармошкой.

Вообще-то Аркаша, когда был в порядке, вполне сходил за какого-нибудь некрупного директора или начальника, но только не за студента. Первокурсники вообще принимали его за преподавателя, отчего учтиво расступались в читалке, пропуская гуру без очереди.

Читальный зал, ласково «читалка», всегда вызывал у Егорки трепетное чувство. Огромный зал, старомодные настольные лампы с зелёными колпаками, ряды массивных хранилищ, заполненных книгами. Тишина, в которой никому даже в голову не придёт разговаривать громко. Здесь все говорят шёпотом, будто боятся разрушить хрустальное спокойствие хранилища знаний. Посетители «читалки» кажутся особенными лишь оттого, что погружены во что-то великое, в самую истину что ли... От одного присутствия в этом святом месте голова невольно наполняется знаниями и великими мыслями. Именно здесь возникает ощущение участия каж-

дого в мыслительных процессах какой-то глобальной величины. Здесь девчонки с томными и заспанными глазами корпят над «Капиталом» и «Эмпириокритицизмом». Только разве можно с таким взглядом думать о Ленине или Марксе? Этот взгляд предназначен совсем для другого случая... Уходя из читалки, тяжёлую резную дверь закрывают осторожно и ещё какое-то время разговаривают тихо и правильно.

Иногда здесь зарождается любовь. Сидят бывает по двое под зелёным абажуром дольше обычного, после начинают ходить по институту, держась за руки, вскоре женятся, взрослеют. Всё... это другие люди. У них начинают подозрительно водиться деньги, которые невозможно занять. Понятно, ячейка общества, замкнутая система. Всю выделяемую энергию она оставляет внутри. Хотя от тоски по воле муж порой срывается с поводка и прибегает в общежитие. Только это уже совсем другой человек. Выдаёт бедолагу неподдельная грусть в глазах и не такое, как в былые времена, бесшабашное веселье. Связан голубок, окольцован, скован невидимыми цепями, однако тоскует по свободе. Ох как тоскует...

Этаж вниз – и вот она раздевалка спортивного зала. Запах пота такой, что его, кажется, можно потрогать. От этого запаха вскипает адреналин, рост становится выше, мышцы просят движения, побед, а иногда и «подвигов»... В спортзале хорошо и привычно. Даже к ледяной воде все привыкли. После моржевания голова светлеет, внутри взводится могучая пружина, а путь до общежития обретает совершенно иное, философское значение... День не закончен, но пружина взведена, нет денег, но есть вагоны с углём и медикаментами, есть баржи с арбузами и водкой, дежурство в детсаде или пожарке, а также его величество случай со счастливым финалом.

Деньги Егорка не то чтобы любил, он их уважал. Терпеливо занимаясь гитарой в оркестре Юрия Шипулина, учил нотную грамоту, разучивал партии, модуляции, ритмы, читал партитуру. Когда кто-либо приносил тексты «Битлз», написанные русскими буквами, пел, вдохновенно подражая и радуясь, что хоть чуточку походит на оригинал. «Естудэй олл май тчабл симд соу фа эвэй...». Это было круто. Вообще-то, он мечтал заработать хорошие деньги, купить фирменную гитару, «усилок», колонку, устроиться в «кабак» и перестать попрошайничать у родителей. Он сказал, просто написал себе в голове программу: «Заработаю денег, куплю магнитофон, гитару, усилоч с колонкой, а домой нормальный холодильник, вместо «Морозко».

Дома у Крота они уже давно сыгрывались на акустике* (акустические гитары), а заодно с этим изучали вкусовые свойства дешёвого вина. Талант – вещь тонкая, можно сказать, изящная. Без портвейна ему никак нельзя. Даже постигнуть тонкую материю «Битлз» или понять английский язык проще при помощи самого обыкновенного портвейна. Для других случаев – другие напитки. Так, однажды Егорка, сидя в ресторане, поджидал руководителя оркестра на предмет полабать* (поиграть – ресторанный сленг) в «кабаке». К нему подсел подвыпивший француз, заказал бутылку коньяка, и они проговорили весь вечер на французском, хотя Егорка кроме «Мсье» не знал ни слова. Вечер удачно раскатился. Официантки уважительно косились. Ещё бы... «Парень наш, а посмотри, как запросто балакает с иностранцем». На самом деле всё элементарно. Для понимания языка и утончённой французской души вовсе не обязательно знание языка. Нужен всего лишь коньяк, но в достаточном количестве. А словарный запас он образуется сам, в результате синтеза желания общаться и дубильных веществ в речевой подкорке мозга. В результате французские слова, будто ласточки из гнезда, вылетали легко, непринуждённо, выстраиваясь в весьма стройные предложения.

Прощались, как родные. Дружески похлопывали один другого по спине, долго что-то напутственно говорили, понимая, что вряд ли когда-нибудь доведётся встретиться вновь. Француза звали Жак...

Сидя на скамейке перед институтом, Егорка, бессмысленно разглядывая облака, размышлял, где бы взять денег на обед. Знакомым циркульным шагом подошёл Шурик Захватов. Не говоря ни слова, он головой указал в сторону – «пошли». Это был хорошо знакомый и многообещающий жест. Ноги шли сами, и, если закрыть глаза, они всё равно привели бы их куда надо. Это «куда надо» было кафе с чудным названием «Романтика» по соседству с переговорным пунктом. Шурик угощал. Сегодня он ездил к матери на станцию, естественно, приехал с деньгами. Кусочек селёдки с винегретом, борщ, котлеты с картофельным пюре, стакан вермута из стеклянного конуса в буфете у окна, разумеется, не единственный. Вермут, которым щедро потчевали посетителей кафе, был удивительным напитком, поскольку все так и не могли понять: «Что в нём сильнее? Вкусовые или красящие качества?» Все склонялись к последнему.

Матери всё-таки святые люди. Святые и наивные. Наивно они полагают, что каждая копейка, которая в доме далеко не лишняя, будет потрачена их любимыми чадами на утоление жажды знаний. Как же они ошибаются! Хотя, наверное, это и есть материнская мудрость. Всё им хорошо известно... Вот и Шурика мать – удивительной человек. Называет всех «черти полосатые», при первом удобном случае старается накормить, угостить чем-нибудь, незаметно сунуть трояк «на всякий случай». От этого всем надолго становится тепло и хорошо.

После «Романтики» вечер стал принимать очертания весьма приятного события. Через час Шурик и Егорка, устроившись на подоконнике первого этажа, начинали подстраивать гитары, чем тревожили и без того беспокойные души обитателей общежития. Играть плохо на гитаре было неприлично, а потому все старательно учились один у другого, а ещё – у кого придётся.

Коридор, подоконник, первый аккорд... Старые стены, просыпаясь, отзывались эхом в сонных закоулках коридоров. Общежитие на Мира, 18... Небольшое, двухэтажное, с прачечной и кухней во дворе, не бог весть какими удобствами, стенами в полтора метра и арочными окнами под сводчатый потолок. Говорят, когда-то здесь были монашеские кельи. Раньше так не только строили, так жили. Основательно и твёрдо.

Сама же церковь стояла на соседней улице, где многие годы в одиночестве боролась за выживание. Устояла она тогда, после прихода красных, когда её бесстыдно ограбили и унизили, устроив в святом месте склад утильсырья. Ничего из этой затеи у организаторов не вышло. Что-то сгнило, что-то растащили. Саму же церковь, поруганную и обнажённую, бросили на растерзание времени. Только она выстояла, гордая своей красотой, не покорённая ни революцией, ни непогодой, ни чёрным вороньём... Считает белокаменная восходы, луны, закаты и не теряет надежду, что поменяется время и придут к её алтарю люди в поисках дороги, которую они когда-то потеряли. Почерневшая маковка её колокольни хорошо видна из окон второго этажа.

Огромный подоконник шириной в метр в конце сводчатого коридора, справа от главного входа, принадлежал безраздельно всем. По вечерам он был плохо освещён. Здесь постоянно «перегорала» лампочка. Ночь, неслышно пробираясь по заспанным лабиринтам старых стен, укрывала таинственным крылом две склонённые друг к другу фигуры в просвете окна... Окружающие, делая вид, что ничего не замечают, безразлично сновали мимо. Но все до одного знали, кто сегодня «на окне» и, понимаясь переглядываясь, отслеживали дальнейшее развитие событий.

Окно как окно, каких тысячи, только именно оно было центром общежития. На нем хватало места для троих, чтобы сидеть или для двоих с гитарами. Здесь при необходимости можно было спать, если номер на двери твоей комнаты перевернут, что на тайном языке означало «комната занята». При появлении условного сигнала входить в комнату нельзя ни при каких обстоятельствах. К двери не подходить, не стучать, не сопеть... Лучше сразу идти на окно,

а если оно занято, на кухню. Там, по крайней мере, может ожидать удача. В случае крайней необходимости можно вспомнить, как на прошлой неделе жильцы одной из комнат занимали хлеб и маргарин, не поставив вас в известность. Наступала пора нанесения ответного визита.

Невзирая на хроническое чувство голода, кухонные шкафчики не закрывались. Продукты не уносили и не прятали. Поэтому если, к примеру, обнаруживалось, что кто-то позаимствовал у вас змеиный супчик из сухпакета, то согласно этикету не следовало начинать скандалить, орать или пытаться поймать похитителя за руку. Допускалось, лишь слегка посокрушавшись, просто успокоиться. Потому не далее, как завтра вы можете стать тем, кто поздним вечером, виновато вздыхая, будет торопливо, стараясь не чавкать, поедать не свой кусок хлеба с фантастическим кусочком сала. При этом ставить в известность хозяина сала, да и хлеба, тоже не обязательно. Зачем беспокоить человека? На кухне царил простой закон: кому-то это нужнее, чем тебе. Так что не напрягайтесь, дышите ровнее и пожелайте всем остальным приятного аппетита.

При вселении в общежитие никого не подбирали и не сортировали по особым признакам. Всех просто включали в список и селили в их «Город солнца». Это был не плавильный котёл. Здесь всё походило скорее на добрую окрошку с ядрёным квасом, овощами, сдобренную сметаной радости. Радости за то, что есть крыша над головой, есть они и нет никого, кто мешает наслаждаться Свободой.

Отравлять жизнь, конечно, пытались, внезапными комиссиями по проверке соответствия социалистическому общежитию, а заодно и морали. Все сопротивлялись этому как могли, однако случаи несоответствия не были редкостью. Виновные подвергались суровой профсоюзной и административной экзекуции. Их могли даже изгнать из родных стен, но всегда находились пути, чтобы вернуться обратно.

Ругались между собой? Конечно, но по пустякам и ненадолго. Пары, любовные треугольники, многоугольники образовывались в невероятных и порой неожиданных конфигурациях. Взаимовращаясь, они притирались, распадались, собирались заново. Всё это обретало постоянно меняющуюся форму. Не менялось одно – братское отношение. Утром все со всеми здоровались, каждый знал другого не хуже себя, и, если шпана позволяла хоть кого-нибудь тронуть пальцем, «заряд нетворческого зла» взрывался с такой силой, с таким самопожертвованием. Шпана «не любила» с ними связываться.

Здесь сопливые школьные выпускники выросли, ощутив жизнь, словно стену, к которой они неожиданно прикоснулись, освободившись от родительской опеки. Стена согревала их, если в этом была необходимость, защищала от неприятностей. На неё безраздельно надеялись, как привыкают надеяться на того, кто всегда рядом.

Коридор, подоконник, первый аккорд...

– Какой?

– Ля-минор, потом до-мажор. Начали...

– ...Уходит день и солнца луч и вдаль глаза твои...

Это была их первая сцена. Вместе со вспорхнувшими с гитарных струн звуками зажигались ярчайшие в мире софиты, самые благодарные зрители планеты заполняли зал под сводами коридора. Действо начиналось:

«...Корабли постоят и ложатся на курс...», «О друге» – «Если друг оказался вдруг...», о влюблённой колдунье – «Видишь, луна над рекою встаёт, это колдунья от счастья поёт...», «Girl», «Yesterday»... Софиты горели всё ярче, сохли губы, зрителей становилось больше... А «Часовые любви»... знаете? Мальчишки, «Синий троллейбус». Лопались струны, в бешеном ритме стучали сердца, сладкая истома по-новому согревала кровь. Души, скидывая серые покрывала, становились всё ближе и ближе одна к другой. И про что бы они ни пели, всё было про то... «В каждой строчке только точки после буквы л...»

Любовь правила этот роскошный бал, и они были рады отдать ей свои права безраздельно. Ах, дорогой Зигмунд Фрейд, как ты прав! Страсти кипят нешуточные. Сердца раскалываются на части, осколки их разлетаются, соединяясь с другими сердцами, образуются новые созвездия и романтические туманности. Амур разгуливает по коридорам общежития с колчаном стрел и, лукаво надувая щёки, пускает их с нескрываемым удовольствием, поражает наповал счастливые и открытые для любви сердца. Мира, 18... Коридор, подоконник, первый аккорд...

Егорка тем временем продолжал уноситься мыслями в какой-то «свой» стройотряд... Туда, где синяя даль до горизонта, где новостройки поднимаются в зелёной тайге, где линии ЛЭП тонкими паутинками разлиновали бесконечные сибирские дали. Он рисовал картины героических будней, бессонных ночей, где они по колено в грязи строят какую-нибудь дорогу в будущее. Самой сладкой частью всех его фантазий был финал, в котором он видел себя стоящим у полукруглого окошечка с надписью «касса», откуда проворный кассир выкладывал перед ним кирпичики денежных знаков.

– Такое обязательно должно материализоваться, – думал Егорка и сладко улыбался.

Вот и Просеков в последнее время стал так же подолгу сидеть, задумавшись. Одевая на крупный нос роговые очки, он вдруг удалялся от реалий. Взгляд его упирался во что-нибудь неподвижное. Все понимали – Просекова здесь нет. Нет, он не выпадал из текущих событий, не пропускал вечерних посиделок с гитарой и прочими радостями. Но он отсутствовал. Все понимающе переглядывались. По вечерам ему кто-то звонил на общий телефон в коридоре, потом ещё. Наконец в один из вечеров Просек заговорил...

– Мужики, – начал он негромко и низко.

Просек не умел красноречиво говорить. Получалось это у него скучновато и односложно. Только главнее было не то, как он говорит, а о чём. А говорил он вот о чём...

– На лето есть хорошая работа. Надо перекрыть крыши в целом посёлке на Севере. Посёлок называется Заливино. Можно заработать реальные деньги. Надо человек двадцать пять, с руками.

Под сводами комнаты повисла звенящая тишина, сродни той, что случается в зените июльского дня. Все понимали, затевается что-то стоящее. Не проморгать бы.

– Инструментом обещают обеспечить, жильём. Еду готовить можно у меня дома.

Секрет раскрылся просто. Просеков родом был из этого самого Заливино. Егорка удовлетворённо хмыкнул. Перед глазами ясными очертаниями замаячили: бас-гитара, колонка, магнитофон, холодильник, да много чего...

Все притихли. Нет, они не смутились и не испугались. Работать вместе приходилось, и не один раз, но то были вагоны, баржи, машины с водкой, кирпичный завод. Только это одно дело, а тут масштабище. Расходиться не хотелось, пошла вольная дискуссия о том, кто, что умеет делать и о чём неплохо бы до отъезда осведомиться у знающих людей.

Егоркин отец умел всё, к этому приучал и его. Хотя мальчишкам интереснее всего было конечно «про войну». На их любопытство он всегда отвечал:

– Что интересного про то, как люди один другого убивают. Давайте я вам лучше про самолёты расскажу. И рассказывал, а мальчишки слушали, раскрыв рты. Они были первым послевоенным поколением, которое, не увидев ту страшную войну, продолжали ощущать её присутствие. Всё вокруг слишком живо напоминало, что жуткое событие не ушло навсегда. Многие фронтовики до сих пор носили солдатские гимнастёрки. Они давно выцвели и выносились до неузнаваемости, но это были те самые гимнастёрки, в которых они потели и мёрзли

в окопах на ушедшей войне, которая на многие десятилетия впиталась в кровь всех, включая мальчишек.

У отца был один интересный орден, не наш, французский, с ленточкой и крестом. Когда его окончательно одолели с распросами, он рассказал, как уже в конце войны в Восточной Пруссии они вдвоём с водителем на «ЗИСе» пробивались к своему аэродрому из Тильзита в Инстербург. По пути увидели воздушный бой. Три самолёта с воем, пикируя и взмывая, ходили вокруг широкой каруселью. «Як» отчаянно дрался с двумя «мессерами». Одного он вскоре сбил. Фашист свалился в «бочку», завыл и пошёл в сторону, но в это время откуда-то из-под облаков на «Як» спикировал второй фашист и пропорол его сверху длинной очередью. Наш ястребок задымил, начал падать под острым углом, однако взрыва не последовало... Отец прыгнул в кузов, чтобы лучше видеть поле, и они погнались. Место падения нашли быстро. Но едва успели вытащить лётчика из горящей машины и упасть в первую попавшуюся канаву, как самолёт взорвался. Вслед за этим «мессер», промелькнув над ними чёрной тенью, начал долбить из пулемёта. Он заходил ещё и ещё, сжёг «ЗИС», прошил крупными стежками несколько раз поляну. На войне очень важно, чтобы везло. В этот день всем им точно повезло.

Лётчик оказался француз, из полка «Нормандия – Неман». Так отец получил французский орден и кучу вопросов от НКВД.

Егорку он таскал с собой везде, рассказывая, почему образуется искра, как регулируется уровень топлива, как что-то натягивается, затачивается, закручивается. Егорка с детства любил и знал моторы, мотоциклы, мопеды, стартеры, бензопилы, цепи, шестеренки...

– Всё, что касается механизмов, беру на себя, будут работать как часы, – уверенно заявил он.

Кого-то дед научил рубить сруб в «лапу», Шурик умел водить самосвал и колёсный трактор. Валерка Костин был вообще на все руки. Скромно, но кое-что набиралось.

С этого самого вечера и начался для всех новый отсчёт времени. Теория относительности была первым экзаменом. Согласно ей, время в разных системах течёт по-разному... Вот и внутри самодеятельного строительного отряда скорость заметно ускорилась. Идеи, предложения всякого рода, гениальные и обычные, нормальные и не очень, хлынули потоком. Хотя уверенность в том, что такие отличные парни могут стать богатыми за пару месяцев, разделяли далеко не все. Некоторые попросту не верили в серьёзность мероприятия, называя происходящее авантюрой, другие крутили пальцем у виска. Иные верили, но по-доброму советовали обратиться к товарищам из штаба ССО, поскольку были уверены, что на ровном месте не может родиться ничего путного. Все свыклись с мыслью, что должен быть штаб, флаги, идеи, члены штаба с мастерками и кирками на вздымающейся груди. К сожалению, у самоиспечённого стройотряда не было, извиняюсь, ничего...

Только как бы ни прошёл день, вечером Шурик с Егоркой усаживались с гитарами на окне и трогали струны. Следом начинал собираться студенческий люд. Одни стояли, прислонившись к стене, другие приносили стулья. И вот вдоль сводов длинного коридора вскоре неслось...

Он капитан и родина его Марсель.

Он обожает ссоры шум и драки,

Он курит трубку, пьёт крепчайший эл-ль

И любит девушку из Нагасаки...

Семь нот и текст. Всего-то... Однако с их помощью они перемещались в Жёлтое и Южно-Китайское море, во времена пиратов, корсаров, рваных парусов, абордажей. Пьяный подвал

трактира становился настолько осязаем, что, казалось, сидят все не на расшатанных стульях в коридоре, а на дубовых бочках с глиняными кружками, полными эля...

У ней такая маленькая грудь
И губы, губы алые, как маки...

Никто не задумывался о завтра. Они были счастливы в прекрасном сегодня. А что до завтра... Оно всё равно не наступит.

Известие о том, что богатство может пройти мимо, моментально облетело институт. Авантюристов оказалось гораздо больше, чем ожидалось. Возможность набить к концу лета купюрами карманы неожиданно разогрела и без того нервную обстановку. Окружающие к организаторам доходного мероприятия стали неожиданно, как бы это сказать, добрее и внимательнее. Увеличилось количество приятелей. Даже в столовой их стали пропускать без очереди.

Отбор шёл не останавливаясь. Во время перерыва – собеседование, во время занятий – записки, во время обеда – продолжение, вперемешку с салатом и компотом. Наконец, стройотряд, который в шутку, а может, и всерьёз назвали «Стяжатель», был укомплектован полностью.

Это была их первая совместная победа, а победу надо праздновать. Вечер, коридор, окно, гитара...

Здесь вам не равнины, здесь климат иной.

Идут лавины одна за одной...

Льёт ли тёплый дождь,

Падает ли снег...

От зари до зари, от темна до темна

О любви говори, пой, гитарная струна...

Машина времени работает безотказно. Порой кажется, что здесь начинают дуть холодные ветра с ледников, снежинки колют щёки, дикий ветер рвёт палатку на склоне, а они обязательно должны совершить что-то своё, особенное и главное. Слова и ноты заключают в себе энергию, способную переместить человека во времени, изменить настроение, а то и душевное состояние, даже поменять решение. Люди давно пользуются этой машиной, до конца не понимая действия механизма. Осталось малость – вслед за перемещением во времени научиться перемещаться в пространстве. Или этому невозможно научиться самостоятельно? Видимо, кто-то должен наделить этим даром человечество. Дождаться бы...

Машина реального времени раскрутилась с небывалой энергией. Порой казалось, что её центробежная сила вот-вот выбросит их из водоворота событий. Предстоящую сессию никто не отменял. Надо было готовиться, сдавать зачёты, лабораторные, семинары, собеседовать с претендентами, готовить коллоквиумы, сдавать курсовые, покупать резиновые сапоги, спец-одежду, подчитать технику безопасности, пройти медкомиссию... Спать стали меньше, про шалости забыли вовсе.

Вот уже куплены билеты и отправлено сообщение в Заливино. Экзамены сдавали уверенно, с каким-то нахрапом и смелостью, понимая, что с каждым мгновением становятся ближе к тому новому и неизвестному, которое, случившись, обязательно изменит всё.

И этот день настал, такой же, как все остальные, как неизбежная чередка всех повседневных событий. Никто не знал и не понимал – рядовое это событие или из ряда вон, но всем было ясно – оно не пройдёт для них просто так.

Будильник прозвенел неожиданно, словно стартовый колокол на ипподроме. Пора!.. Отсчёт нового времени начался. Рейсовый автобус до аэропорта тащился, чихая и постреливая на подъёмах. Это никак не совпадало с их представлениями о начале грандиозного события. Обычно в кинофильмах авто мчится по гладкому шоссе, в открытое окно врывается ветер, который ласково треплет кудри молодого и красивого героя. Стоящая на пригорке девушка в ситцевом платье машет ему вслед голубой косынкой... От увиденного наворачивается слеза от умиления. Однако...

Наши герои выглядели не столь торжественно. Мягко говоря, лица их были достаточно сильно помяты, а в глазах ещё метался лихорадочный блеск позднего портвейна. Но с сегодняшнего дня и до окончания стройотряда объявлялся сухой закон. Вчера все были «за», кивали головами, звенели гранёными стаканами, соглашались. Вчера было хорошо...

Егорка, разместившись на переднем сидении, спиной к водителю, с интересом рассматривал компанию. Ближе всех сидел Толик Зольников. Человек этот был явным исключением из правил. Он вообще был из другого теста. Никогда не говорил громко, не жестикулировал. Был спокоен и точно знал, что надо делать, и делал.

Следом за ним Валерка Доронин, которого все звали просто – Дыр. Это был большой оригинал. Увлекался йогой, уриротерапией, мечтательной философией, но больше всего любить поесть. Однажды, будучи приглашённым на обед, умудрился съесть всё, что было приготовлено на компанию из четырёх человек. Нет, не на спор, просто гости необдуманно отвлеклись, выйдя подышать воздухом, а когда вернулись к столу, не обнаружили из съестного почти ничего. Лишь Дыр, непонимающе улыбаясь, приговаривал: «Я задумался, а оно как-то само получилось...»

Когда Дыр принимался мечтать, было заметно. Он тут же начинал млеть, испытывая, судя по всему, наслаждение от собственных фантазий. Где он в это время летал, в какие дебри увлекла его мечта? Никто не знал. Его острый подбородок в полуулыбке выдвигался вперёд, в глазах застывало счастливое блаженство. Он действительно был где-то там, слишком далеко от всего реального.

Дыр был тем человеком, с которым всегда что-нибудь случалось. Вот и неделю назад. Тогда все были званы к нему в гости для ревизии содержимого холодильника, вызванного отъездом родителей на курорт. Компания, сидя за кухонным столом, проверяла вкусовые качества яичницы с салом и тушёнкой, запивая чаем со сладостями, впрок запасёнными родителями. Настроение у всех было на высоте. Ещё бы... Не каждый день выпадает такое. Только Дыру отчего-то вдруг захотелось выйти на балкон, и он демонстративно удалился. Когда за закрытой балконной дверью что-то негромко хрустнуло, никто на это даже не обратил внимания. Лишь спустя десять минут в дверь раздался звонок. Все переглянулись. Кого ещё могло принести в столь неподходящий момент? В напряжённой тишине открылась дверь, и перед всеми предстал стоящий в подъезде, припыленный цементной пылью Дыр. Кто-то впал в ступор, кто-то оказался замешательстве. Как такое вообще могло случиться? Почему он оказался в подъезде, если выходил на балкон? Дыр, в свою очередь, бессвязно мыча и размахивая руками, повёл всех к выходу на балкон. Привычно отворив знакомую дверь, все отшатнулись... Балкона не было. То есть он вообще-то был, но вместо положенного ему места лежал теперь ровнёхонько внизу, на зелёном газоне, рядом с клумбой. Полотенца на верёвочке и тазик в углу тоже остались на месте. Некоторые, чтобы убедиться в достоверности произошедшего, с опаской высунув голову, смотрели то вниз, то на Дыра. Рухнуть на балконе с третьего этажа и слегка припылиться... Это мог только он. Иные даже взглянуть вниз не рискнули. А ему хоть бы что. Если бы такое произошло с кем-нибудь, было бы удивительно. Однако, если такое случалось с Дыром, воспринималось как закономерность.

Самое занятное было то, что думать так, как Дыр, не получалось ни у кого. С другой стороны, всегда под рукой было полярное мнение. Иногда, правда, идиотское, но нередко и

наоборот. В его искривлённом видении мира чувствовался убеждённый бунтарь и баламут. Так бывает. Смеются над ним, но без него никуда. Злобы в нём не было совсем. Ни к своим, ни к чужим. Дыр – одно слово.

Рядом с ним Ромка – татарин, худой и упёртый. Есть у него хорошая и довольно редкая нынче привычка – исполнять обещанное при любых обстоятельствах. По жизни он классический нигилист, который при желании может легко перешагнуть через этот самый нигилизм, если цель того стоит.

Поступинский – Ступа расположился на последнем сиденье. Валерка был из городского сословия «неблагополучных». Такие доставляют беспокойство всем, в первую очередь родителям, ввязываясь в тёмные истории и попадая в сложные правовые переделки. За школьные годы со Ступой плотно познакомились в детской комнате милиции, где он состоял на учёте. Соседки рисовали беспокойному соседу невесёлое будущее, а он возьми да и поступи в институт... Сегодня ему было особо грустно. Как минимум на два месяца он простился с милой городской жизнью, приклатнёнными друзьями, которые по вечерам под семиструнную гитару и бой «восьмёрку» пели трогательные песни про дочь прокурора, которую любящий папаша «закрыл» вместе с бандой по тяжёлой статье на добрый десяток лет. Ступины друзья, исчезая по понятным причинам на несколько лет из круга общения, по отбытии срока возвращались повзрослевшими, обогащёнными жизненным опытом, новыми наколками на самых неожиданных местах. Самого Ступу эта, казалось бы, неминуемая участь удивительным образом миновала. На самом деле Валерка – добрейший, бескорыстный человек и хороший друг, который точно отдаст последние штаны, если понадобится.

Лёха Матаев хорошо подошёл бы на роль того самого героя, которому девушка с пригорка махала голубой косынкой. Красавец с правильными чертами и белоснежной улыбкой. Высокий, умный. Был у него правда один недостаток. Случалось это не часто, но, начиная выпивать, он не мог остановиться вовремя, отчего нередко попадал в неприятные истории. То ему в глаз дадут, то он кому-то... Не было и единой вечеринки с танцами, чтобы Лёха не разбирался с кем-нибудь или не выяснял отношений. Придя поутру в чёрных очках, сам он, а с ним и все остальные делали вид, что ничего особенного не произошло. Так, по крайней мере, было принято. Вообще-то Лёха открытый и внимательный, но из-за своего неуёмного характера постоянно чувствовал себя виноватым, причём чаще всего незаслуженно.

Сашка Уткин улыбался. Ему, судя по всему, было просто хорошо, отчего он готов был расцеловать всё вокруг. Познакомились они ещё при поступлении в институт. Потом Сашка знакомил Егорку с городом.

В одних городах что-то делают так, в других иначе. Здесь ходят днём, а вечером нет, потому что по вечерам в этом неприметном переулке можно легко схлопотать по соплям. С этими девочками «дружить» можно, а с этими не стоит, потому что за это, извиняюсь, тоже можно было получить. От Сашки Егорка узнал о граничном значении Абрамовского моста через одноимённую речку. Отправляясь романтическим лунным вечером через мостик проводить какое-нибудь милое создание, каждый должен был знать – этим вечером он непременно будет бит. Выдача «люлей» происходила обычно после пересечения моста, но если же по каким-то причинам этого не происходило сразу, то на первом перекрёстке случалось обязательно и с завидным постоянством. Это было, так сказать, прописное дополнение к ночному вояжу. Таковы были городские порядки...

К Уткину, шумные и голодные, они ходили слушать музыку. У Сашки был магнитофон «Айдас» и хорошие родители. Хорошие, оттого что с приходом беспокойной компании, отправлялись по делам, оставляя голодным гостям кастрюлю борща, домашние котлеты, укрытые полотенцем, и компот с абрикосами. Стоило родителям ступить за порог квартиры, как всё это безжалостно уничтожалось. Сашка улыбался. Может, оттого, что светило солнце, а может оттого, что начинался новый день. Это был их день...

Просеков, в обиходе – Председатель, он же Ибрагим – суровый чеченец из «Угрюм-реки», был собран и уверен. Вся его коренастая суть подчёркивала основательность происходящего. Лишь в глазах с длинными, почти коровьими ресницами, металась романтическая грусть расставания, поскольку Просеков всегда был в кого-нибудь тайно влюблён.

Рядом – Вовка Огарков. Этот искренне верил всему, что говорят, даже шутя. Правда, после этого стоило немалых трудов переубедить Вовку в обратном. Воспринимал он любое слово окончательно и всерьёз, а будучи от природы человеком инициативным, даже суетливым, весьма скоро начинал действовать.

Как-то в начале весны для забавы ему шепнули, что на кафедре теоретической физики закрытая лекция ведущего сексолога на самую острейшую тему. И ещё... Чтобы излишне не перегружать аудиторию, «теоретики держат всё в тайне». Огарок, желая получить подробности, немедленно начинал доставать всех подряд. От его убедительных расспросов инертные поначалу народные массы возбуждались и, смотря в доверчивые карие глаза, к концу разговора сами начинали верить в вероятность публичной лекции. На следующий день кафедра делилась пополам. Одна половина с нетерпением ждала начала лекции ведущего сексолога, вторая над ними тихо хихикала. Только лекция, не поверите, совершенно неожиданно состоялась.

Кайгородов спал мертвецким сном, подложив под голову тощий рюкзак. Витька обладал удивительной способностью спать в любой ситуации, включая лекции и экзамены. Автобус неистово трясло, Витькины части тела, будто не связанные между собой, подсакивали каким-то странным образом, по отдельности. Однако это никоим образом не мешало ему видеть приятные сновидения.

Чуть дальше Костин с перебинтованной правой. Валерка был в одном лице: защитник, справедливый судья и исполнитель наказания. По этой самой причине правая рука его нередко была перебинтована.

– Красавцы! – подумал Егорка, понимая, что сам вряд ли выглядит лучше.

Автобус, стрельнув выхлопной трубой, остановился. В дверях что-то долго и угрожающе шипело. Наконец они с ленивым скрежетом расползли в стороны. Врата в будущее не очень торжественно, но отворились...

Что гонит людей в новые края? Любопытство, жажда увидеть то, чего ещё не видел никогда, а может, это обыкновенное желание встретить того, кто поймёт и даст ответы на все вопросы? Или это обычное желание иметь больше денег? И это тоже немало. Что дают деньги? – Независимость. Независимость от других людей, ненужных событий, навязчивых идей, окружающих каждого, чужих мыслей и обязательств. В конце концов это свобода выбора. А важнее свободы нет ничего. Не то важно, что твоё мнение кому-то нравится или нет. Важно то, что ты можешь его иметь и деньги этому очень даже помогают. Пусть кто-то скажет, что это не так.

Тишину отодвинул звук аэропорта. Ревели моторы, перебивая друг друга, металлический женский голос объявлял о прибытии и убытии, такси с зелёными глазами стояли, ожидая щедрых пассажиров. Люди, люди, суета...

Егорка любил аэропорты, вокзалы. Он был уверен: здесь находится точка отсчёта для каждого, кто решил что-либо начать. Именно здесь перелистывается очередная страница, с которой заканчивается важный отрезок жизни. Отрезок этот не умер, он с тобой, но он закончился. Настала пора начаться новому, другому, чтобы завтра прошедший день обрёл статус события. События, которое произошло...

Их разношёрстная компания, к сожалению, ничем не напоминала передовой отряд молодёжи на стройках народного хозяйства. Даже постовой при входе в аэропорт взглянул на них без особого пристрастия.

Шумные молдаване заняли центр зала. Эти мастера по отделке, штукатурке или спереть чего... Всё умеют. Работу сделают быстро, а быстро известно, что происходит, но это другой вопрос.

Молчаливые ингуши расположились обособленно, между окном и лестницей. Эти едут в село, специализируются по коровникам, зернотокам, гаражам. Работают весь световой день. Когда спят – неизвестно. Путешествуют семьями. Женщины у них одеты в чёрное. Из-под глухих платков, будто из бездны, насторожённые смотрят куда-то мимо тебя их глаза так, будто не замечают никого.

– Под какую же классификацию подпадают наши герои? – размышлял Егорка. Похожи на вольных шабашников...

– Вольные люди эти шабашники. Ни кола ни двора, ни семьи. Дети по всему свету разбросаны. Одни известны, о других они даже не догадываются. Вот и растут те как бурьян, такие же вольные и беззаботные.

В старости судьба жестоко обходится с этими людьми. Они вроде бы понимают, что живут собственную жизнь, только относятся к ней, как к чужой тётке. Почему? За это безобразное отношение жизнь бьёт их потом, не жалея и очень больно. Нет, определённо, вся их великолепная компания никак не тянет на этих самых шабашников. Так и не найдя ответа на вопрос, Егорка отправился в главный зал наблюдать.

Ему нравилось смотреть на незнакомых людей, пытаясь разгадать, кто они?.. Вот тот, небритый, за стоячим столиком в кафетерии, кто он? Может, нефтяник? Нет, пожалуй. Нефтяники одеваются обстоятельнее, да и не будет нефтяник небритый в аэропорту толкаться, к тому же, вероятнее всего, будет он с бородой. Кроме того, ездят они, как правило, бригадой, а этот один. То, что пил вчера, видно сразу – минералкой мается. Руки какие-то неуверенные, волосы несвежие. Спал, видимо, где пришлось, причём одевшись, – складки на брюках под коленями. Женат, наверное... Всё время трогает то место на безымянном пальце правой руки, где носят обручальное кольцо? Спрятал, наверное, чтобы не сняли по пьяному делу, а без кольца неприлично. А может, сняли уже... За несколько дней событий у него произошло столько, что при тихой семейной жизни на годы, а то и десятилетия хватит. Может быть, и разведён, хотя вряд ли... По всему видно, костюм окончательно не потерял лоск после женской руки и утюга. Судя по щетине – пьёт дня три. Понятно – свободе радуется. Если недавно от жены, дорога здесь одна – на Север. Кто же он по профессии? Баул с рабочей одеждой уложен хорошо, для верности перемотан полевым кабелем. Ага... Значит связист какой-нибудь, телефонист, кабельщик-спайщик или вроде того. Поскольку вроде бы и работяга, но какой-то интеллигентный, вон как за стакан красиво держится, даже мизинчик отставил.

А эта дама со строгим взглядом в сером костюме, что стоит возле прохода, точно учительница. Кончиками пальцев постоянно перебирает, как будто остатки мела стряхивает. Если бы она этого даже не делала, всё равно понятно, что учительница. Такой взгляд такой бывает только у них.

Егорка с детства любил отгадывать загадки, а ещё фантазировать. Вдвоём с постаревшим вислоухим псом, которого звали Пират, они уходили за их старый дом, где в зарослях полыни кроме них не было никого. Егорка, сидя на поваленном дереве, любил мечтать о том, что вряд ли когда-нибудь сбудется. Зато принадлежали эти мечты ему и отчасти вислоухому другу. Там, за домом, всегда было тихо и несуетно. Лишь Пират, лениво растянувшись у ног, изредка перебирал во сне лапами, догоняя своё стремительно убегающее детство. Отсюда был виден синий лес на дальнем мысу, изгиб Боровой. Это был их с Пиратом мир...

Если им случалось надолго исчезнуть, мать знала, где их отыскать. Однако найдя, никогда не беспокоила неразлучную пару, только подолгу смотрела на них со стороны. Лишь после, как бы невзначай, спрашивала:

– О чём это вы там мечтали, Егорка, вдвоём с Пиратом?

Взгляд у мамки тёплый, а глаза серые, даже немного зелёные...

Аэропорт... Егорке не терпелось скорее оказаться в его движении, сутолоке, людском потоке, который всегда вызывал у него необыкновенный восторг. Он прошёл к лестнице, поднялся на второй этаж. Отсюда можно было видеть большую часть зала ожидания с колоссальным людским водоворотом. Можно было наблюдать за каждым отдельным человеком и за всем происходящим вообще. Никто не обратит на это внимания. Никто даже не спросит – зачем ты это делаешь? Потому что здесь все наблюдают за всеми, а вопросы просто парят над людьми: «Куда эти пошли? Зачем те пересели? Объявили, что? А нам не пора?»

После, сорвавшись с места, все вдруг начинают суетливо спешить. К стойке, выходу, терминалу... Пространство, состоящее из людской массы, связано между собой множеством единиц мельчайших событий. Любое множество, как бы оно ни было велико, всё равно состоит из единиц. Событие происходит внутри каждой единицы. Но есть главное событие, которое возвышается над всеми. Прибывают, отправляются самолёты, грузится багаж... Всё двигается, меняется, перемещается в различных направлениях. Бурлит, не переставая, суммарное количество событий. Происходящее, на первый взгляд, напоминает беспорядочное броуновское движение. Только какое же оно беспорядочное? Напротив, очень даже упорядоченное. Надо всего лишь суметь рассмотреть закономерность в подвижном человеческом множестве.

Стоя на втором этаже, Егорка, затаив дыхание, наслаждался, смотря на неугомонный людской муравейник. Он видел, как перемещаются точки людских голов, как одни мечутся в замкнутом пространстве, переживают, ждут чего-то, другие, напротив, спокойны, даже медлительны, третьи – не переставая пытаются понять происходящее, ищут выход. Те уже нашли, а другие до сих пор стоят в очереди и терпеливо ждут, когда им укажут, куда идти... Людям свойственно искать и находить выход из любой ситуации или места. Их спаситель – ген поиска, который ошибочно принимают за непоседливость.

Аэропорт – фантастическое место. Здесь для всех щедро распахиваются ворота на выходе из повседневной суеты. Люди в этих земных стенах наделяются крыльями. Здесь везде ощущается небо, к которому ведут хрустальные залы, напоённые светом. В этом месте даже сердце стучит иначе, предчувствуя момент, когда человек оторвётся от Земли. В это самое мгновение в каждом, в его длинной генетической цепочке просыпается ген путешественника, сформировавшийся в течение миллионов лет. В каждом до сих пор хранится информация о всех глобальных космических координатах и перемещениях твоих предшественников. Оттого и просыпается в аэропорту именно этот ген – ген начала, который хранит унаследованную последовательную информацию, накопленную тобой и твоими предками за многие годы и тысячелетия. Сегодня ты своими действиями заполняешь подготовленный для тебя информационный блог. Люди пытаются прочесть прошлое, разгадать его, однако мозг никогда не позволит изучить себя до конца, оставляя себе главную тайну, не познав которую, люди так ничего и не поймут окончательно...

Один вопрос неотступно мучил Егорку. Кто управляет этим людским водоворотом? Нет, не этой снующей толпой, а человечеством вообще. Должны же существовать законы массового движения людей. Взять хотя бы великое переселение народов. Жили люди, жили на Земле не одно тысячелетие, а после все, как по команде, собрались и пошли кто куда... Они что же, сообщения о начале движения получили? Доходились до того, что до сих пор не могут разо-

браться в родственных связях. Может быть, люди суммой своих желаний и создают направление движения людского водоворота? Может, это и есть коллективный разум? Хотя...

Егорка вышел на смотровую площадку. Душа его от радости предстоящего путешествия готова была взлететь под свист турбин и рокот винтов.

Группа бородатых геологов, стриженных под «ёжик», расположилась у входа. Все в выцветших добела брезентовых штормовках, грубых ботинках, брюках с множеством карманов. Но самое, пожалуй, интересное в них – лица... С выбеленными бровями и потрескавшимися губами, с каким-то фантастическим загаром и удивительным взглядом. Это особый взгляд свободных людей, ясный и уверенный. Разговаривают они негромко, движения спокойны и точны. Вот русоволосый достал старенькую гитару, начал настраивать. Окружающие затихли, приготовились слушать. Хрипловатый голос зазвучал неожиданно красиво, как-то к месту...

В который раз лечу Москва – Одесса,

Опять не выпускают самолёт.

Но вот прошла вся в синем стюардесса, как принцесса,

Надёжная, как весь гражданский флот....

Закончив петь, он отложил в сторону гитару, достал из рюкзака флягу. Отпив несколько глотков, протянул соседу и продолжил:

Ты моли, чтоб остался,

Чтоб опять не скитался я...

...Чтобы жить километрами,

А не квадратными метрами...

Егорка вдруг понял, зачем путешествуют люди. За свободой. Конечно... Вот пожилой хант с женой сидят неподалёку. Оба маленькие, худенькие, Лица, будто из пособия по краеведению. Она расположилась за его спиной, потому что он – мужчина, защитник. Глаза у обоих, будто смородины, смотрят внимательно, открыто, даже с каким-то удивлением. Так беспристрастно смотрят на мир люди с богатой внутренней свободой. Такой же бескрайней, как их тундра, красивая и спокойная... Свободу ищут люди, свободу, это точно.

А вот и цыганки – истинные дети воли. Эти не верят ни в Бога, ни в чёрта, лишь в цыганское счастье. Однако цыганского несчастья ничуть не меньше, если не больше. Живут богато единицы, а остальные – обыкновенная нищета. Но взгляд цыганки завораживает, и смотреть лучше мимо неё, потому что не надо разрешать посторонним ковыряться в твоих мозгах, а они это умеют.

– Глаза человека – врата души. Не отворяй их незнакомым людям, – говорила бабушка.

Егорка не знал почему, но цыганки всегда проходили мимо него.

Бабушка, как говорят в народе, «знала». Если у Егорки болела голова, она усаживалась спиной к печке, Егорка клал голову ей на колени. Бабушка накрывала непослушные вихры тёплыми, необыкновенно мягкими руками... Несколько минут и боль проходила, будто и не было её вовсе.

Когда учительнице младших классов перекосило лицо, она год ездила по больницам, врачам, только всё оказалось бесполезным. К весне она перестала вести уроки и выходить на улицу. Тогда ей и посоветовали: «Иди к Марии Алексеевне». К весне учительница выздоровела. Нет, бабушка не была колдуньей с крючковатым носом. Наоборот, была она тихая, добрая, с необыкновенными руками и бархатными глазами.

Бабушка умерла прошлой осенью. Погода стояла холодная и дождливая, но в день похорон вдруг стало тепло, вышло солнце. Оно высушило дорогу до кладбища. Берёзы вдоль косога, что стояли притихшие, осыпали золотом последних листьев желтеющую дорогу. Хорошили бабушку тихо и почтенно. Было слышно, как, не переставая, перекликаются в небе журавли. Не то радуются погожему дню, не то прощаются...

Кто-то тихо тронул Егорку за плечо. Он оглянулся, это был Шурик.

– Егор, пошли, регистрацию объявили.

Егорка машинально сказал «иду...», продолжая оставаться в детских воспоминаниях.

Прошли регистрацию. Ожидая посадку, подошли к огромному стеклу, стали рассматривать самолёты, гадая, на каком полетят. Шурик смотрел на серебристых птиц с завидной грустью. Он с детства мечтал поступить в лётное училище, но не прошёл по медкомиссию. Егорка, сидя боком к выходу, от нечего делать рассматривал соседнюю очередь. Это был дневной до Москвы.

Вдруг он увидел его. Это был Жак... Точно. Стоя около выхода, он внимательно слушал девушку напротив. Егорка закричал, так, что стоящая рядом старушка перекрестилась.

– Жа-ак! Жа-ак!

Тот оглянулся на окрик, увидел Егорку...

– Эгор! Эгор!

Они быстро пробрались к разделительному барьеру, заключив друг друга в объятия... К общей радости, девушка оказалась переводчицей.

– Жак, куда ты летишь?

– В Москву, потом Париж, – ответила за него переводчица, после чего с лёгким акцентом продолжила.

– Господин Лурье очень переживает, что не выполнил поручение отца и должен вернуться назад.

– Причём господин Лурье, – пожал плечами Егорка.

Переводчица всплеснула руками.

– Потому что он господин Жак Ив Лурье.

– Понятно, понятно, давай дальше, – торопил Егорка.

Он видел, как подошла провожающая. Вскоре должна начаться посадка.

– Отец Жака, – продолжила терпеливо переводчица – послал его, чтобы он отыскал русского, который спас его в войну. Его отец воевал лётчиком в полку «Нормандия – Неман» и был сбит, а русский вытащил его из горящего самолёта.

– Егор, пошли. Посадка начинается, давай скорее, – торопил Шурик.

После минутного замешательства Егорка уже на ходу крикнул Жаку:

– Где это было?

– В Восточной Пруссии! – ответила девушка.

– В каком городе?

– Тильзит! – раздались поверх всех голосов слова переводчицы.

Совпадения, конечно, бывают, но что бы такое... У Егорки перехватило дыхание. Остановившись, он крикнул:

– Ты нашёл русского. Это мой отец!

Переводчица трясла Жака за лацкан пальто и что-то быстро ему говорила, показывая пальцем в нашу сторону.

Шурик за рукав уже тащил Егорку к выходу на посадку.

– Жак, Жак, я давал тебе телефон, в ресторане, – крикнул напоследок Егорка.

Девушка перевела. Жак закивал головой и показал ладонью на нагрудный карман. Это был телефон общежития. Сквозь стекло было видно, как француз, вцепившись руками в ограждение, не отрывая взгляда, провожает Егорку до трапа. Переводчица, не переставая, продолжала ему что-то говорить.

Лишь когда самолёт оттолкнулся от земли и сложил лапы шасси, Егорка пришёл в себя. Он молча сидел у иллюминатора, рядом Шурик с гитарой на коленях. Для окружающих ничего особенного не произошло, ну встретил и встретил знакомого. А у Егорки внутри будто взбурлила кровь, не давая успокоиться. Совпадение, случайность... Почему так происходит? Кто

это всё устраивает и зачем? Почему произошедшее событие не закончилось там, в Тильзите, в конце войны? Почему оно решило продолжиться сейчас, через столько лет? Какой в этом смысл?

Самолёт, проваливаясь в ямы и расталкивая тучи, неудержимо рвался вверх. Хорошо, когда самолёт рвётся ввысь. Это естественное для него состояние. Самолёт – воплощение мечты. Человек всегда мечтал летать. Сейчас к этому стали привыкать. Хорошо, когда привыкаешь к мечте.

Тучи покорно стелились под крыльями. В салоне все наконец успокоились, заговорили, задвигались. Прошли стюардессы, принесли воду, мятные конфеты.

Не отрываясь, Егорка смотрел в иллюминатор, представляя себе картину воздушного боя настолько реально, что видел заклёпки на обрубленных плоскостях «мессера», чувствовал запах бензина, перегретого моторного масла, пороховой гари. Порой ему становилось жутковато от одной мысли оказаться в воздухе на самолёте с горящим мотором и пробитыми баками.

То же небо, облака и солнце то же... Только почему простые вещи, о которых он слышал много раз, стали понятны ему именно сейчас? Хотя, наверное, всё просто. Их отцам тогда тоже было по двадцать.

Если бы сейчас взяли да и предложили Егорке отдать собственную жизнь за благое дело. Просто так. Согласился бы он или задумался, отыскивая в этом какой-нибудь смысл? Может, те люди, перед тем как умереть, тоже искали смысл, выбирали? Или?.. Фронтовики о своих подвигах обычно говорят «случайно получилось...». Нет, люди, похоже, тогда были всё же другими. Каждое время делает людей под себя, под задачи, которые ставит. То время требовало несгибаемых воинов, а сейчас ему, похоже, требуются искатели приключений.

– Не осрамиться бы перед потомками, – подумал вдруг Егорка, щурясь от солнца, которое плеснуло в иллюминатор ослепительным жёлтым снопом.

Шурик, не обращая на происходящее внимания, спал, периодически стучаясь головой о гриф гитары. Егорка подложил ему под голову кепку. Шурик проснулся.

– Садимся?

– Нет.

– А скоро?

– Думаю, не скоро.

Шурик уснул опять.

До Бондинска лёту около трёх часов. Хант с женой, которых Егорка видел ещё в аэропорту, сидели на соседнем ряду, чуть впереди. Они не спеша доставали и опять укладывали какие-то свёртки, пакеты, делая всё обстоятельно и спокойно. Открыв продолговатую коробку, они что-то рассматривали внутри, улыбались. По лицам было понятно – радуются за того, кто получит подарок. Еле слышно, будто лесной ручеёк, переговаривались они на своём языке, тихо настолько, чтобы, упаси Бог, кого-нибудь не побеспокоить. Природа наделила их удивительной способностью, находясь внутри любого пространства, будь то люди или тундра, не привлекать к себе внимания, не беспокоить никого, выбирая себе место поудобнее. Их воспитание никогда не позволит нескромно выкрикнуть собственное «я».

Ханты – небольшой северный народ, а корни общие с венграми, суоми, мордвой. Одним словом, всей финно-угорской группой. И это ещё не всё. В английском языке «Хантер» – охотник, и пусть кто-нибудь скажет, что это разные слова. А теперь подумайте – где Англия, Финляндия, Венгрия, Мордва, а где ханты?

Люди – величайшие путешественники.

– Почему они путешествуют, чего ищут?

Понятно, что более сытою жизнь. Только, наверное, больше всего их тянет в дорогу любопытство и желание увидеть, что находится за этой широкой рекой, какие люди живут за теми большими горами и непроходимым лесом?

Начало закладывать уши, в проходе погас свет, зажглись табло «Пристегните ремни».

Аэропорт Бондинска – огромное поле. Посередине – взлётка, в отдалении – деревянный домик синего цвета чуть больше дачи. Рядом, на полосатом столбе, полощется парусиновая красно-белая колбаса. Через двор от аэропорта ещё один домик, только уже совсем маленький, с единственной дверью и любовно вырезанным сердечком.

Выдача багажа задерживалась. Жёлтый грузовик, который должен доставить багаж от самолёта, вместо этого повёз начальника аэропорта разгонять коров. Они, неразумные, целым стадом забрели через брешь в ограждении со стороны посёлка и уже собрались выйти на взлётку, чтобы расставить на ней естественные коровьи заграждения в виде лепёшек. Этого начальник аэропорта допустить не мог. При взлёте самолёт мог угодить в эту неприятность колесом. А случись такое, его непременно спросят о причинах происшествия. Можно, конечно, предположить, что крылатая птица не поскользнётся и взлетит благополучно. Только следы добра, что коровы оставят на взлётной полосе, непременно окажутся на брюхе, а то и крыльях серебристой птицы. Прилетит такой самолёт, к примеру, в столицу нашей Родины – город Москву, подкатит к сияющему зданию аэровокзалу из стекла и бетона. Там встречающие толпами... Они посмотрят и обязательно спросят: «Откуда такой самолёт и почему он весь, простите, в коровьем дерьме?» А им ответят: «Из Бондинска». Нехорошо получится. Такого сраму начальник аэропорта допустить точно не мог, поскольку со дня на день ожидал повышения. Из-за нервного перенапряжения, садясь в грузовик, он сильно матерился, вспоминая какого-то человека с незвучной фамилией Дурандин, причём мать его тоже. Гнев начальника аэропорта был праведный, поскольку из его слов было понятно, что именно этот пресловутый Дурандин снял колючку с ограждения взлётного поля на собственный огород. Начальник сердился, нервничал и неоднократно рекомендовал виновнику недоразумения намотать эту самую проволоку на одно интересное место... Обиднее всего было то, что он сам дал торопливому подчинённому добро на демонтаж ограждения. В управлении обещали прислать новую колючку, только не прислали. И вот что из этого вышло...

Все с тревогой наблюдали за неравной схваткой, поскольку коровы явно одерживали верх. Это означало, ни много ни мало задержку багажа. Всё закончилось неожиданно и сразу. На крепком буланом коне с развивающейся гривой, как в былинных сказках, примчался мужик с мутными глазами и не по-детски серьёзным настроением. Это был пастух... У него моментально получилось всё. Коровы беспрекословно, словно хлысту, подчинялись его нелитературным выражениям, исходящим из самых глубин народного словесного творчества. Чтобы кто-нибудь более изысканно матерился, чем мужик на большом коне, Егорка не слышал никогда. Это был неповторимый урок первозданного фольклора, за которым чувствовалось глубокое знание материала. Обычные слова в лексиконе лихого наездника как таковые отсутствовали вовсе. Вскоре он умчался, словно внезапно налетевший смерч, оставив после себя милую всем тишину, сивушный перегар и запах коровьих лепёшек.

После истомившего всех ожидания члены стройотряда с радостью получили свои рюкзаки и неожиданно поняли, что их никто не встречает.

Солнце не хотело отдыхать и, взгромоздившись на середину неба, с тропической силой жарило крыши синих домиков, лысину аэродромного поля и большие головы искателей приключений. Просек, принимая ответственность за происходящим на себя, направился было к начальнику аэропорта. Тот, сидя на крыльце, любовно протирал носовым платком кожаный обод внутри форменной фуражки. Не слышно было, что говорил ему вкрадчивым голосом Просек, зато все хорошо слышали ответ. Прозвучал он в той же тональности, что и общение с коровами.

– Автобус? Есть автобус, одиннадцатый номер называется! Двенадцать вёрст по просёлку. Всего-то... и грязи нет. Санаторная прогулка, не больше того.

Просек, хлопнув мохнатыми ресницами, втянул голову в плечи и повернул назад. Невесёлое положение решил исправить Дыр. Со свойственной уверенностью в положительном результате, он предложил начальнику безвозмездно, для поддержки стройотряда, а также всего студенческого движения страны, довезти их до Заливино на чудесном жёлтом грузовике с эмблемой «Аэрофлота».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.